

© 2024

УДК: 331.556.4

Алексей Седлов

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Центра политики занятости и социально-трудовых отношений

ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: sedlovap@bk.ru)

ВОСТОЧНОЕ И ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В работе систематизированы понятия восточного и западного направлений трудовой иммиграции в Россию как терминов для условного обозначения потоков мигрантов из бедных стран СНГ и квалифицированных специалистов из других стран, включая развитые западные страны. Автором дана оценка аналитики ограничения массовой миграции в принимающие страны; представлены оценки оригинальных статистических алгоритмов; отмечены исторические маркеры иммиграции человеческого капитала, опыт которых может быть использован в современной иммиграционной модели; показаны негативные тенденции снижения уровня иностранной рабочей силы и трансформации трудовой иммиграции из стран Центральной Азии в социальную (гражданскую), вместе с рисками, сопутствующими натурализации новых граждан.

Ключевые слова: массовая миграция, человеческий потенциал, качество труда, бедные страны СНГ, развитые страны, иммиграционная модель.

DOI: 10.31857/S0207367624120042

Снижение рождаемости и старение населения в большинстве развитых принимающих стран становится главной причиной системного привлечения трудовых ресурсов из стран периферии. Так, развитые страны Европы имеют историю движения населения из бывших колоний с XVI–XVIII вв.; свои особенности развития имеют страны, позже включенные в мировое разделение труда.

Вместе с тем прогресс в развитии обеспечивает обмен передовыми способами, приемами труда, создание прорывных технологий, опережение конкурентов. Исторически первое направление представлено массовой миграцией с более бедных территорий, которая, как правило, создает социальные проблемы принимающей стороне. Второе направление представлено миграционным обменом группами и индивидами, обладающими опережающими компетенциями и, как правило, имеющими происхождение на территориях, равных или превосходящих по уровню развития принимающую сторону. В современных реалиях первое направление чаще представлено направлениями «восток–запад» или «юг–север», второе направление чаще обозначается, как «север–север». Поскольку Россия в современной «табели о рангах» миграционной привлекательности не относится к развитым принимающим странам, а скорее представляет полуперифиерию [15], означенные направления могут быть представлены как «восточное» и «западное» направление иммиграции.

Ретроспектива иммиграции в Россию. В контексте европейских миграционных процессов Россия с ее аграрной экономикой, слабой инфраструктурой и институциями

длительное время являлась специфичным субъектом международного миграционного обмена [2]. Существенное оживление миграционных процессов имело место в период бурного развития капитализма конца XIX – начала XX столетия, которое, вместе с тем, в большей мере было обеспечено внутренними миграциями крестьянского населения в город.

Зарождение, начало институциональных основ современной иммиграционной модели (ИМ) России можно отнести к 20-м годам прошлого века, когда появились концессионные предприятия. После долгого затишья в 1970–1980-е годы появился закон о лицензионном сотрудничестве и торговле. Прелюдией настоящего этапа трудовой иммиграции можно считать 3 января 1987 г., когда вышел указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление Совмина «О совместном предпринимательстве и совместных хозяйственных объединениях». Этот документ предполагал широкие льготы по налогообложению, таможенным сборам и упрощенному визовому режиму для участников совместных предприятий (СП). Почти десятилетний период существования предприятий с иностранными инвестициями явился прообразом настоящей системы привлечения ИРС с разрешениями на работу.

В широком понимании миграционных процессов, рассматриваемых с прицелом на долговременное пребывание иностранной рабочей силы (ИРС) в принимающей стране (гражданство, вид на жительство, разрешение на временное проживание), принципиальных изменений не произошло. Как и в 1980-е годы, трудовая иммиграция чаще представлена краткосрочным пребыванием квалифицированных специалистов с целью сопровождения инвестиций, ведения переговоров, проведения пусконаладочных и проектных работ. Такая форма характерна для трудовой иммиграции из стран условного «Севера» в страны условного «Юга», не представляющие интереса для долговременного пребывания специалистов из развитых стран. При этом главным мотивом является более высокая оплата труда с учетом компенсаций за некомфортные условия в стране пребывания.

Значительно позднее традиционной для России эксклюзивной иммиграции за счет казны по причинам сопровождения инвестиций с оплатой труда специалистов выше, чем в стране происхождения, хрестоматийных «лефортовских» друзей Петра I и колонистов Екатерины II, в 20-е и 30-е годы XX в. имела место иммиграция по политическим мотивам и идеям гендерного равенства, которыми Советская Россия притягивала западных специалистов. В классическом понимании миграционных процессов как движения по экономическим мотивам [13] историческим дополнением выступили факторы притягивающие и выталкивающие [9]. В то время в качестве выталкивающих выступили снижение темпов роста экономики в США (в преддверии Великой депрессии) и безработица на фоне пика «левых идей» в Европе. Так, в 1932 г. численность иностранных специалистов в России составила 42360 человек, большая часть которых занимала инженерные должности и получала заработную плату в валюте. С 1933 г. (мировой финансовый кризис) западных специалистов стало значительно меньше, а к 1937 г. их и вовсе не стало. Причинами явилось прекращение выплаты заработной платы в валюте, за которыми последовали репрессии и депортация трудовых иммигрантов из западных стран.

Единственным в истории России периодом западной иммиграции по чисто экономическим мотивам явилось время бурного развития капитализма конца XIX в., когда из Германии по экономическим мотивам в Россию приехали почти 1 млн немцев. Относительным концом «золотого века западной иммиграции» явилась революции 1905 г., а следом 1917 г., ознаменовавшие экспроприацию иностранной собственности.

Советский период был отмечен массовой эмиграцией из России послереволюционного периода (после 1917 г.) и существенным подъемом международного престижа страны в начале 1930-х годов. Этот период сопровождался трудовой иммиграцией из стран Европы и США, по большей части квалифицированной рабочей силы, охваченной коммунистическими идеями; он завершился в годы репрессий (1937–1938).

В целом закрытый характер экономики периода «развитого социализма»¹ продолжался вплоть до распада СССР и создания СНГ в 1992 г.², ознаменовавших начало современного периода сложных интеграционных процессов на постсоветском пространстве, формирования в России модели трудовой иммиграции, основанной на привлечении ИРС из стран СНГ с безвизовым режимом въезда и стран дальнего зарубежья с визовым режимом въезда и получением разрешения на работу. Исторически неквалифицированная иммиграция осуществляется по восточному направлению из бедных стран СНГ, квалифицированная – по западному, из развитых стран западного альянса. Такая терминология до известной степени условна и может иметь исключения, однако отражает суть процессов и нередко используется в практике.

Именно эта модель формирования «внешних» трудовых ресурсов, как по институтам обеспечения, так и по принципам экономической деятельности (в том числе международной), соответствует западным аналогам, имеющим обстоятельное теоретическое обоснование и наследие [13, 10, 9, 11, 12, 15]. Автором описан алгоритм ограничений, включающий последовательно исторические маркеры теории ограничения массовой миграции [7. С. 239].

Специфика российской модели иммиграции долгое время состояла именно в приоритете трудового аспекта, состоящего в возвратной миграции. Однако со временем модель поведения мигрантов из стран СНГ начала меняться. И ближе к концу второго десятилетия XXI в. российская модель трудовой иммиграции стала использоваться в качестве упрощенного порядка натурализации иностранцев, желающих получить гражданство РФ³.

Глобальные вызовы современности, события после февраля 2022 г. внесли существенные изменения в экономику, нарушив привычные кооперационные связи, изменив принципы и направления миграционного обмена на европейском и постсоветском экономическом пространстве. Системные факторы формирования российского рынка труда на основе спроса и предложения [10],

¹ Некоторое исключение составляли 70-е годы XX в., когда на основе двухсторонних межправительственных соглашений в страну привлекались рабочие кадры из Вьетнама, Болгарии. Особой формой иммиграции с последующим предоставлением прописки и социального жилья являлось привлечение по лимиту рабочих кадров из союзных республик на непривлекательные работы.

² Бишкекское соглашение о создании СНГ от 9.10.1992 г.

³ Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 28.12. 2022).

движения по экономическим мотивам из бедных стран в богатые [13] и несомненные трудности регулирования массовой миграции [11] получили новые импульсы развития. С полным основанием получила развитие теория факторов внешних обстоятельств, под которыми ее автор С. Стоуфер понимал законодательство стран [14].

Западные санкции и уход квалифицированных специалистов, потребности СВО и структурные сдвиги в СНГ на фоне демографического спада определили сжатие российского рынка труда, снижение безработицы и, казалось бы, должны были повысить конъюнктурное значение «внешних» трудовых ресурсов. Однако новые реалии лишь усилили рассогласованность увеличения потребности в квалифицированных кадрах и роста предложения контингента из бедных стран ЦА. В то же время усиление институционального влияния неквалифицированной иностранной рабочей силы на экономику и социум современной России не получило должных оценок для принятия решений по ее ограничениям [1]. В этом контексте западная трудовая иммиграция имеет определенные исторические примеры натурализации в России, однако в настоящее время ее представители, за редкими исключениями, не рассматривают Россию в качестве субъекта гражданства.

В последнее десятилетие российская модель претерпела *существенные трансформации*, определенные двумя обстоятельствами. Во-первых, это резкое снижение возможностей квалифицированной иммиграции в контексте современных вызовов⁴ и, во-вторых, рост предложения массовой иммиграции из бедных стран ЦА, создавший целую систему рисков, на которые миграционная политика не смогла вовремя отреагировать. По существу, либеральная модель привела к трансформациям трудовой иммиграции в социальную (или гражданскую)⁵, сопровождаемую диверсифицированными институциональными рисками [7]. Настоящая работа имеет целью показать исторические вехи формирования структуры и динамики западного и восточного направления трудовой иммиграции, которые демонстрируют опыт, преемственность и возможности реформирования иммиграционной модели современной России.

Определенный импульс для начала масштабного пересмотра либеральных основ миграционной политики получен в контексте трагических событий в Крокус Сити Холле 22 марта 2024 г.

Структура трудовой иммиграции. В современной истории России политика трудовой миграции оказалась наиболее адекватна потребностям рынка труда во второй половине первого десятилетия XXI в., когда страна демонстрировала устойчивые темпы роста ВВП. В этот период наивысшей точки достигла квалифицированная трудовая иммиграция из развитых стран, которая составляла величину, почти равную половине общего показателя. Однако западные санкции, введенные с 2014 г., в дальнейшем повлекли практически полный уход западных специалистов после начала СВО (1922–1924 гг.) и закрепили приоритет основных доноров ИРС за наиболее бедными странами ЦА.

Отмечая качество трудовой иммиграции как ее важный маркер, следует подчеркнуть, что в развитых принимающих странах более половины «внешних»

⁴ Начало санкций против России (2014 г.).

⁵ Термины «социальная» или «гражданская» в равной степени применимы и отражают миграционные процессы сопутствующие, но не связанные с трудом.

трудовых ресурсов формируется по линии иммиграции квалифицированной ИРС из других развитых стран [5. С. 187]. Вместе с тем, очевидно, что глобальные вызовы и неравенство стран вносят коррективы в направления миграционного обмена, усиливая потоки массовой миграции, меняя соотношения внешних ресурсов не в пользу движения квалифицированной ИРС в развитые принимающие страны (европейский миграционный кризис, массовый исход населения из стран Латинской Америки в США, из стран Ближнего Востока в Турцию, страны ЕС и др.).

Российская трудовая иммиграция в подавляющем большинстве представлена неквалифицированной рабочей силой из стран СНГ, как правило, не имеющей определенной отраслевой и профессиональной подготовки и ориентации. Это подтверждено спецификой отраслевой занятости и высокой текучестью работников из бедных стран СНГ в пределах отраслей и работ, не требующих специальной профессиональной и квалификационной подготовки и опыта работы (строительство⁶, дорожные работы, городское хозяйство, торговля, логистика, клининг, служба доставки). Трендом можно признать хронический дефицит кадров в отраслях строительства⁷, откуда мигранты переходят в курьерскую доставку и сферу бытового обслуживания, вследствие чего возникает новый спрос в строительстве. Очевидно, что высокая мобильность иностранной рабочей силы позволяет оперативно реагировать на конъюнктуру рынка. Вместе с тем такая структура привлекаемых трудовых ресурсов не отвечает главному вызову современной России – нехватке квалифицированных кадров.

Качественный состав трудовой иммиграции в Россию представлен на рис. 1 данными о динамике прибывших в Россию с целью работы мигрантах из разных стран.

Информация рис. 1 позволяет констатировать, что, по данным ФСБ, в 2023 г. 96,4% всей трудовой иммиграции представлено странами СНГ, в составе которых выделяются бедные страны ЦА, являющиеся основными донорами неквалифицированной рабочей силы в Россию: Узбекистан (44,2%), Таджикистан (26,5%) и Киргизия (15,9%). На долю других стран, включая «недружественные», приходится всего 3,6% всей иностранной рабочей силы.

При этом с допандемийного 2019 г. продолжились начатые в 2014 г. негативные тенденции. За этот период доля других стран снизилась на 13 пунктов (с 16,6 до 3,6%), и, напротив, на 10,6% увеличилось число прибывших из стран ЦА (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) с 76,0 до 86,6%. Иными словами, имело место дальнейшее снижение качества иностранного человеческого капитала.

Системные различия между формированием рынка труда неквалифицированных работников из бедных стран и рынка труда профессионалов с компетенциями и квалификацией на долгие годы определили и принципиальные различия в подходах к регулированию миграции: от тотальных ограничений массовой иммиграции до преференций квалифицированным кадрам и специальных программ привлечения молодежи, студентов, профессионалов в востребуемые сферы занятости. Отмечая преференции и механизмы ограничений как

⁶ В рамках действующего национального проекта «Жилье и городская среда».

⁷ Бизнес-омбудсмен Б. Титов с 2021 г. неоднократно обращался в правительство РФ с предложениями о дальнейшей либерализации миграционного законодательства.

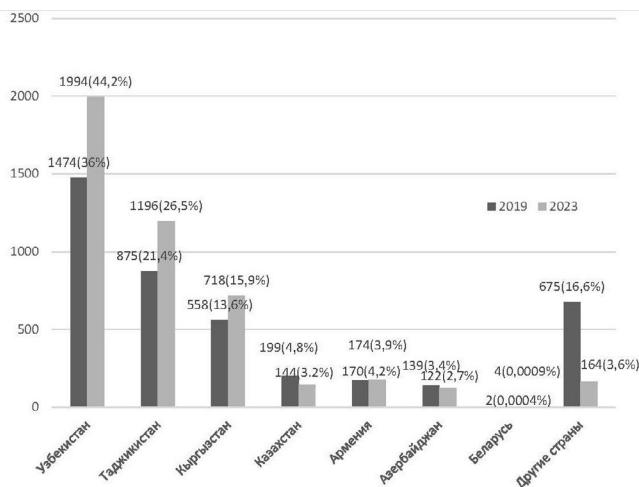

Рис. 1. Приток трудовых мигрантов в Россию из стран (2019–2023 гг.),
тыс. человек, (%)

Источник: составлено по данным ФСБ, опубликованным в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС), [vedomosti.ru](https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-virov?syslid=lslopo4krn163361616): 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-virov?syslid=lslopo4krn163361616>(дата обращения: 12.01.2024).

основные составляющие миграционной политики, важно представить систему мер по защите национального рынка труда [4], которая является связующим звеном создания эффективной ИМ.

Направления и этапы формирования иммиграционной модели России

Демографический провал. История становления и развития современной российской ИМ предполагает экономический анализ, отправной точкой которого следует считать демографический провал в рождаемости населения 90-х годов XX в., который волнами дефицита кадров накатывает на рынок труда в периоды вступления в трудоспособный возраст детей этого малочисленного поколения. Например, расчеты специалистов ВШЭ показывают, что в годы наивысшего экономического роста ситуация с кадрами была значительно лучше: в 2007 г. 18-летних было 2,5 млн человек, а сейчас всего 1,5 млн⁸.

К сожалению, и в 1990-е годы, и позже, и в настоящее время государственная политика и внимание ученых в большей мере оказались сосредоточены на демографических потерях [8], чем на создании многофакторной модели развития, в основе которой лежат факторы роста, инновационное развитие в контексте «экономики знаний» и эффективное использование человеческого потенциала. Так, увлеченные экстраполяцией авторы рассчитали, что в ближайшие годы России ежегодно потребуется от 390 тыс. человек до 1,1 млн мигрантов, а если миграционный прирост сохранится, то к 2100 г. численность населения России составит 67,4 млн человек или уменьшится вдвое⁹.

⁸ URL: <https://dzen.ru/a/ZtmZzbaF1UnNOQwD>

⁹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2023/64368b0a9a7947a647a61a2c>

В основу действующей демографической доктрины России, по существу, положено сохранение численности населения любой ценой, а в настоящих реалиях – за счет иммиграции из самых бедных стран постсоветского пространства.

Более чем очевидно, что *экономическими законами развития определен рост производительности труда и благосостояния*, которые и определяют уровень, качество жизни, создают условия для воспроизведения населения. Следует признать, что в контексте негативной экстраполяции экстенсивного пути развития рассчитывается и прогнозируется дефицит рабочей силы в экономике, дающий основание политике привлечения неквалифицированной рабочей силы и социальной миграции из бедных стран СНГ. Унять риторику в пользу либеральной миграционной политики не помогают последовательные и системные высказывания Президента РФ В. Путина, который, подводя определенную черту на съезде независимых профсоюзов, сказал, что единственной альтернативой привлечению мигрантов, ущемляющих интересы россиян и создающих массу социальных проблем, является рост производительности труда¹⁰.

Экономист ЦМАКП Д. Белоусов подсчитал, что в несырьевых отраслях внедрение роботизации, автоматизации, малой и большой механизации до уровня Италии позволит высвободить 25 млн человек¹¹. Однако для создания среды внедрения придется перекрыть нынешние потоки излишней миграции.

Поскольку либеральные демографы понимают проблему как нехватку рабочих рук, то в этом контексте представляется возможным своеобразное примирение, для чего следует *разделить натурализацию и трудовую иммиграцию*. При этом соискатели лучшей жизни из тех, кто способен интегрироваться, могут претендовать на получение гражданства, в то время как остальные в силу своих социальных возможностей и профессиональных навыков должны довольствоваться статусом временного трудового мигранта. Пока же идет активная раздача гражданства практически всем желающим, которая может привести «в никуда»¹². Важные демографические изменения происходили на протяжении всех 1990-х годов, когда волна эмиграции, преимущественно за счет «утечки умов» (около 1,4 млн человек) с лихвой компенсировалась за счет иммиграции из бедных стран СНГ (приток 1 млн человек в 1994 г.)¹³.

Восточное направление. Оглядываясь в прошлое, следует признать, что не увенчались успехом попытки экспорта российского капитала в развитие бедных стран СНГ и их полноценной интеграции в экономику роста за счет создания международных союзов. Так, за тридцать с лишним лет, с начала создания СНГ в 1992 г. до настоящего времени *не удалось добиться полноценной интеграции*, снижения бедности и роста основных экономических показателей стран-аутсайдеров, достаточных для смягчения их зависимости от иммиграции в Россию¹⁴.

¹⁰ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6621020>

¹¹ URL: https://dzen.ru/a/Zo-hANtpsSGm0_Cw

¹² URL: <https://dzen.ru/video/watch/666b54770b51166648a4fc9c?clid=1400&rid=2905736861.1167.1720777811772.58321&t=7>

¹³ URL: <https://gwdhhhiyvpimejno.1tvv.live/do-kontsa-veka-nas-khvatit-demograf-salavat-abylka-likov – o-tom-vymiraet-li-rossiya-i-cto-s-etim-delat>

¹⁴ См. рис. 2 по территориальным различиям в заработной плате.

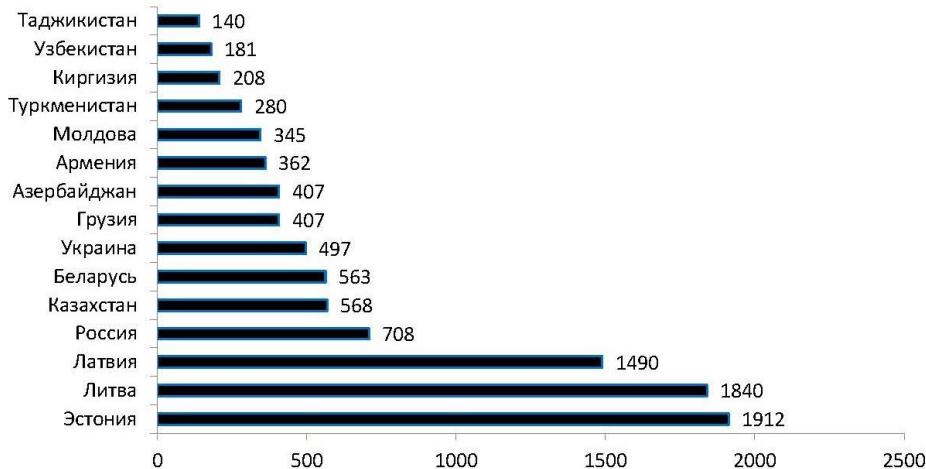

Рис. 2. Среднемесячные заработные платы по странам СНГ и постсоветским странам Балтии в 2021 г. (в национальных валютах в пересчете на долл. США)

Источник: рассчитано с учетом данных: URL: <https://pulse.mail.ru/article/sravnenie-stran-byvshego-sssr-po-razmeru-zarplat-na-2021-god-2330596683031668589-1306027829511627538/>

Можно провести некоторые параллели между становлением СНГ и Европейского союза (ЕС). Так, «новые бедные» страны Европы, принятые в ЕС с 2004 г.¹⁵, понапачалу создали проблемы нежелательной миграции в богатые страны ядра союза, но впоследствии показали рост и оказались на пути интеграции со «старыми» странами Европы. Об этом свидетельствует динамика показателей роста их ВВП, а главное – рост заработных плат, которые превысили российские показатели.

На рис. 2 представлены данные для сравнительных оценок заработных плат бывших стран СССР в сопоставимых измерителях.

Разумеется, впечатляющий рывок, в сравнении с показателями заработной платы в советское время, бывшие республики СССР смогли сделать за счет прямой помощи, оказанной им Еврокомиссией (Правительством ЕС). Но, вместе с тем, это результат продуманной интеграции новых бедных членов ЕС. Очевидно, что Россия не имеет таких экономических и финансовых возможностей, как страны ядра союза, поэтому графическое изображение выглядит до известной степени некорректным. Так, различия в уровнях оплаты труда в Эстонии, Латвии и Литве со странами ЦА (Таджикистан, Киргизия и Узбекистан) составляют более 10 раз. Да и заработные платы в России как центре миграционного притяжения на постсоветском пространстве выглядят привлекательно лишь для самых бедных стран Евразии. Целью произведенных на рис. 1 сравнений является иллюстрация результатов политики поэтапной интеграции бедных стран-аутсайдеров в созданные международные союзы.

Это удалось ЕС в значительной мере благодаря *поэтапному вовлечению экономик бедных стран в интеграционные процессы*, что предполагало установление, а в дальнейшем постепенное смягчение и отмену жестких норм территориальных ограничений трудоустройства в более богатых странах союза. Не все прошло

¹⁵ Принятие 10 стран в состав ЕС.

гладко, на что указывает Brexit (2016 г.), зафиксировавший выход Великобритании из ЕС, в значительной мере определенный несогласием с миграционной политикой союза, когда страна ощутила экспансию трудовой миграции из «новых бедных» стран ЕС, сопровождающую целой гаммой социальных рисков. Решительные действия Великобритании как богатой принимающей страны подчеркнули, что *миграционная политика ограничений была и остается одним из важнейших элементов организации международных союзов*. Тем не менее ЕС устоял перед наплывом мигрантов, и вслед за интеграцией Польши, Болгарии, Румынии, стран Прибалтики как новых членов ЕС пришла очередь и самых бедных стран Восточной Европы – Украины и Молдавии, в 2016 г. подписавших соглашение об ассоциации с ЕС.

В созданном в 1992 г. СНГ¹⁶ самые бедные страны ЦА сразу оказались допущены в наиболее развитые регионы РФ без каких-либо существенных отраслевых и профессиональных ограничений, да и с полным социальным пакетом для новых граждан. В 1995 г. Россия и Таджикистан подписали соглашение о двойном гражданстве, дающее право гражданам Таджикистана иметь в России весь перечень социальных льгот, предусмотренный для российских граждан. Соглашение рассчитано на 20 лет с продлением на 5 лет, в случае отсутствия предварительного отказа одной из сторон с уведомлением за полгода. В это время развали СССР договор был мотивирован на возврат в гражданство россиян по рождению, но со временем трансформировался включением не только родителей и детей, но и многочисленных братьев и сестер, т.е. в пользу этнических таджиков. В первые годы действия соглашения, в контексте русофобских настроений, до 300 тыс. человек вернулись в российское гражданство. Позже источник репатриантов иссяк, и теперь эта правовая мера ежегодно обходится России примерно в 200 тыс. человек новых граждан самой бедной страны ЦА¹⁷.

Более поздний по времени создания СНГ был образован на основе и более совершенных форм интеграции, а именно безвизового режима въезда с правами трудоустройства и социальными льготами более развитых стран-участников. Вместе с тем Содружество не показало адекватных преимуществам результатов, а главное – не предоставило аутсайдерам инструментов для собственного развития, породив атмосферу своеобразного экономического иждивенчества, когда *до половины бюджета самых бедных стран ЦА стали формироваться за счет денежных переводов мигрантов на родину*. Такой алгоритм экономики снижает социально-экономическую ответственность аутсайдеров: мизерные пенсии и социальные гарантии, низкие заработные платы, отсутствие инвестиций в инфраструктуру, в развитие экономики. Например, в Таджикистане имеют место пенсии по старости «весом» около 20 долл., а заработные платы в 40 долл. США. Безработица и высокий уровень бедности являются мощными выталкивающими факторами [9], характерными для массовой миграции. Сложившийся механизм переводов мог использоваться как трансмиссия для последующего взлета экономики, которого так и не произошло за более чем 30 лет существования СНГ.

¹⁶ Бишкекское Соглашение о создании СНГ 1992 г. фактически положило начало безвизовому движению населения в пределах Содружества.

¹⁷ Аналогичное Соглашение с Туркменистаном закончилось в 2015 г.

Создание ЕАЭС. Очевидно, что и Россия как главный бенефициар союза и центр миграционного притяжения стран СНГ тоже не получила адекватной современному разделению труда иностранной рабочей силы диверсифицированного качества. Попытки «на марше» произвести корректировки союза за счет *введения в 2015 г. преференций для граждан стран ЕАЭС*¹⁸ и ограничений для центральноазиатских стран-доноров неподготовленной рабочей силы также не позволили выйти на более высокую траекторию развития и регулирования иммиграции. Главной причиной явилось замедление темпов роста ВВП самой России, что ослабило иммиграционный интерес более развитых партнеров (*Казахстан, Белоруссия, Армения*) и соответственно усилило «иммиграционную тягу» аутсайдеров (*Таджикистан, Узбекистан, Киргизия*).

Эту тенденцию подтверждают следующие данные за 2019–2023 гг. (см. рис. 1): Казахстан снизил активность с 4,8 до 3,2% мигрантов от их общей численности в РФ, Армения с 4,2 до 3,9%, Азербайджан с 3,4 до 2,7%. Причем абсолютная численность мигрантов из этих стран не превышает 150 тыс. человек из каждой, что на фоне тотальной иммиграционной экспансии из бедных стран ЦА (общей численностью более 4 млн человек) выглядит довольно скромно. Резко сократилась численность белорусов, отправляющихся на заработки в Россию, многие из которых обладают относительно высокими профессиональными качествами, что позволяет им котировать свою рабочую силу в европейских странах. Данные ФСБ подтверждают снижение их интереса к России (всего 2 тыс. человек в 2023 г. против 4 тыс. человек в 2019 г.). По нашим оценкам, численность граждан этой

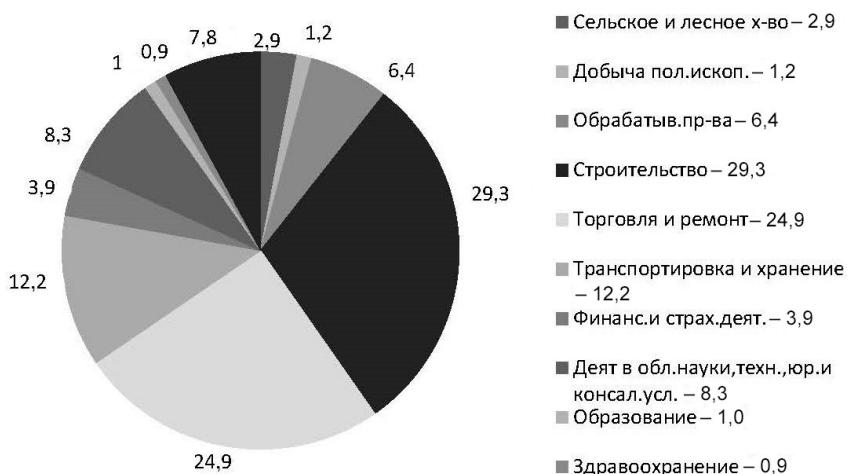

Рис. 3. Доля иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России в соответствии с договором ЕАЭС по видам экономической деятельности в январе–сентябре 2023 г., в % ко всем ее видам

Источник: рассчитано по данным ФСБ РФ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/38479>

¹⁸ В 2015 г. для граждан стран–членов ЕАЭС были предоставлены права трудоустройства и социальных льгот, действующих в принимающей стране союза.

9-миллионной страны, работающих за границей, может достигать 1 млн человек, из них в России не более 50 тысяч.

При этом отраслевая занятость мигрантов из стран ЕАЭС в России (рис. 3) имеет преимущества перед занятymi из стран ЦА. Первые чаще способны к интеллектуальной деятельности (недвижимость, аренда, инженерные специальности) и работе в обрабатывающих производствах, вторые предпочитают сферу обслуживания, рынки и доставку.

По данным ФСБ, представленным на рис. 3, численность занятых из стран ЕАЭС в экономике России составляет чуть менее 1 млн человек. При этом более половины из них заняты в строительстве и торговле, а 12,2% – в транспортировке и хранении грузов (тут следует отметить общие черты с отраслевой занятостью мигрантов из стран ЦА). Вместе с тем занятость в обрабатывающих отраслях (6,4%); финансах и страховании (3,9%); науке, области технологий, юридических и консалтинговых услугах (8,3%); здравоохранении (0,9%) выгодно отличает ИРС из ЕАЭС от мигрантов из ЦА. Их отраслевая занятость в большей мере соответствует потребностям России, чем более примитивные работы, чаще в теневой экономике, без отраслевой принадлежности, на которых преимущественно заняты мигранты из стран ЦА.

В этом контексте определенную роль ограничителя не смогла сыграть введенная вместе с договором о создании ЕАЭС система платных патентов для мигрантов из стран ЦА, которая была задумана как регулятор-ограничитель.

СССР. Обращаясь к истории, следует отметить, что в СССР восточное направление иммиграции наибольшее развитие получило в *середине 1980-х годов*, когда на основе межправительственных двухсторонних соглашений в стране работали около 100 тыс. граждан Вьетнама, в том числе и в обрабатывающих производствах¹⁹. В конце 1980-х годов численность рабочих из КНДР, работавших в Дальневосточном регионе, достигала 20,5 тыс. человек²⁰, чуть меньше работников из Болгарии трудились в Коми, в основном на лесозаготовках и в деревообработке, продукция которых большей частью отправлялась в страны-доноры. Некоторыми соглашениями было предусмотрено, что работники получали только часть заработной платы. Например, 60% заработка рабочих из Вьетнама направлялась в счет погашения межправительственного долга СССР²¹. С гражданами стран происхождения заключали контракты сроком до 3-х лет, которые не могли предусматривать перехода к другому работодателю и на иную деятельность на территории РФ. Условиями пребывания не рассматривались предоставление ВНЖ, гражданства, приглашение членов семей. По существу, эта форма привлечения по оргнаборуозвучна с практикуемыми в настоящее время жесткими моделями трудовой иммиграции других стран и вполне может рассматриваться в качестве базовой для реформирования настоящих (либеральных) условий ИМ России. Российский опыт 1980-х годов XX в. может отчасти послужить ответом противникам использования жестких

¹⁹ Опыт СССР по привлечению иностранных рабочих. URL: <https://uchebana5.ru/cont/1086758-p30.html>

²⁰ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-iz-kndr-na-rossiyskom-dalnem-vostoche-vtoroy-polovine-hh-nachale-hhi-veka/viewer>

²¹ Однако эта деталь не является определяющей, а скорее отражает время, для которого характерной являлась централизация финансовых потоков внешнеэкономической деятельности.

условий ИМ ОАЭ, которые вызывают критику правозащитных организаций, отмечающих нарушение прав временных мигрантов, у которых могут отбирать паспорта, не платить зарплату, не пускать в город и т.д.²² Следует отметить, что любая система организации ИМ имеет суть и особенности, многообразие которых не означает необходимости полного их заимствования.

Современность. Проектом управления найма мигрантов, разработанным в 2023 г. в рамках национального Проекта «Кадры», предусматривается создание оператора по организованному набору персонала в странах СНГ. Часть работ при этом предполагается осуществлять на территории стран-партнеров за пределами РФ: набор и первичная профподготовка персонала; проверка знания русского языка; медосмотр; дактилоскопия для создания цифрового профиля. Проектом предусматривается к 2030 г. обеспечить 300 тыс. человек, преимущественно из стран СНГ²³, для работы в РФ у конкретного работодателя. В проектах доноров рассматриваются Бангладеш, Мьянма, Пакистан, страны Африки. Гипотетически шаг привязки к работодателю ограничивает возможности свободного рынка труда. Однако в условиях перенасыщения кадрами мигрантов экономики России, их мобильности в контексте меняющейся конъюнктуры отраслей и сфер приложения труда, их высокая текучесть означает, что в России нет действенных инструментов защиты национального рынка труда – инструмента, который в развитых принимающих странах является основой построения иммиграционных моделей. Перемещению и занятию иностранцами рабочих мест предшествуют согласие профсоюзов и процедура констатации отсутствия граждан, желающих занять анонсируемое рабочее место [4].

Далее, рассматриваемый Проект не дает ответа, что будет происходить с действующей системой, основными признаками которой являются безвизовый режим въезда и неконтролируемая нелегальная миграция. Формально соглашения о подборе персонала России со странами СНГ уже существуют не один год, однако результатов не заметно.

Новые страны. Российский бизнес в качестве альтернативы ИРС из стран ЦА рассматривает иные источники, которые большей частью относятся к странам Юго-Восточной Азии. Например, население Индии с 1950 г. увеличилось на 1 млрд человек, причем половина из них – в возрасте до 30 лет²⁴. Несмотря на бурное экономическое развитие (страна вошла в пятерку стран-лидеров по объемам ВВП), часть незанятых, особенно из сельской местности, гипотетически может вписаться в этот новый российский иммиграционный тренд. Вместе с тем на мировом рынке труда Россия – не самая привлекательная страна с позиций оплаты труда и проживания. Так, более выгодные условия предлагают богатые страны Персидского Залива (ОАЭ, СА, Кувейт, Катар), Корея.

Региональным рецепционтом ИРС может стать соседний Китай, который начинает испытывать дефицит рабочей силы, возникший как следствие политики

²² «Мигрантов станет меньше, но россиянам станет хуже». URL: <https://rtvi.com/opinions/allah-domu-ostalsya-migrantov-stanet-menshe-no-rossiyanam-budet-huzhe/>

²³ Власти обсудят Проект по управляемому найму мигрантов. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/07/2024/668b9ee09a7947900c34dafe>

²⁴ URL: <https://www.forbes.ru/society/485239-nehvatka-zensin-i-molodez-cajldfri-kak-kitaj-perest-al-byt-samoj-naselennoj-stranoj>

снижения рождаемости, имевшей приоритет в недалеком прошлом. Вплоть до настоящего времени Китай традиционно демонстрировал закрытую иммиграционную политику, в которой места для иностранных граждан на рынке труда страны почти не было (1% от численности занятых против более 80% в ОАЭ, СА, Кувейте²⁵). Однако, в случае перемен в сторону ее открытости, Россия может уступить Китаю свои позиции в борьбе за дешевую рабочую силу из стран ЦА. Платформа для ориентации этих стран в сторону более богатого соседа уже создана: это организация «Китай плюс», цели которой пока ограничены инвестиционной деятельностью в этих странах.

Как альтернатива социальным рискам альянса России со странами ЦА рассматривается *внутренняя миграция, прообразом которой в недалеком прошлом являлась система прописки по лимиту*, а работники – субъекты этих отношений – именовались лимитчиками. Жесткая система «прописки», без которой когда-то на работу не брали, формально сохранена и сейчас, *однако мигранты из ЦА и здесь нередко оказываются предпочтительнее внутренних мигрантов*.

Важным этапом становления либеральной миграционной политики явилось *введение в 2005–2008 гг., с последующей отменой²⁶, региональных квот на использование ИРС в экономике регионов²⁷*. Практический смысл неприятия системой ограничений и последующей отмены региональных, а следом в 2019 г. и федеральных квот лежал в сфере фактического признания декларативного характера борьбы с *нелегальной миграцией*, на деле препятствующего ее легализации.

В условиях безвизового режима въезда и отсутствия инструмента привязки к конкретному работодателю мигрант, имеющий формальные ограничения на работу (например, в розничной торговле), может иметь *несколько вариантов адаптации и трудоустройства*. Во-первых, уйти в другую отрасль; во-вторых, стать студентом, который имеет право работать почти без запретов; в-третьих, получить вид на жительство или разрешение на временное проживание; в-четвертых, переехать временно в соседний Казахстан, имеющий другой реестр ограничений. Наконец, в-шестых, мигрант может получить патент с известными правами и ограничениями, а фактически работать на рынке. В 2015 г. граждане Казахстана и Киргизии, ставшие членами ЕАЭС, получили те же права на трудоустройство, которые имеют граждане страны пребывания. Существуют и иные способы обхода ограничений: фиктивный брак и получение гражданства и др. С такими адаптационными возможностями мигранты не имели мотивации работать в обрабатывающих отраслях промышленности, так необходимых России с позиций дефицита кадров.

Западное направление и страны ЮВА. Наибольшее развитие западное направление иммиграции получило в годы экономического роста российской экономики с середины нулевых годов миллениума, когда темпы роста достигали 5–7% ВВП в год, а Россия была открыта для западных инвестиций. В эти годы

²⁵ Данные ежегодного доклада ООН за 2018 г.

²⁶ В 2019 г. последовал ряд заявлений о необходимости отмены квот на прием иностранной рабочей силы.

²⁷ Об отмене квот на ИРС в Уральском экономическом регионе. URL: https://dzen.ru/a/Zrm-mdM7WAUdu7U_V

официальная государственная статистика фиксировала *рекордное равенство иностранной рабочей силы* из развитых стран, имеющих разрешение на работу, с одной стороны, и мигрантов из визовых стран, имеющих патенты на работу, с другой: примерно по 1,5 млн человек. В дальнейшем, по данным Росстата, ФМС и ГУМВД, *удельный вес ИРС из развитых стран неуклонно сокращался*:

- до четверти общей иммиграции в 2011 г.;
- менее 20%, или 700 тыс. человек в 2014 г.²⁸;
- далее до 100 и менее тыс. человек в 2021 г. и 63 тыс. человек в 2023 г. с удельным весом менее 0,01% занятых в экономике России.

На фоне санкций, принятых в ответ на начало СВО в 2022 г., сокращение трудовой иммиграции по западному направлению трансформировалось в практически полный уход квалифицированной рабочей силы, имеющей разрешение на работу.

Результаты снижения трудовой иммиграции из стран, граждане которых получают разрешение на работу, представлены на рис. 4.

Так, наиболее существенный спад ощутили развитые страны, имевшие наибольшие инвестиции в Россию, число их специалистов, по данным МВД РФ ГИАЦ, в 2023 г. составило 1,7 тыс. человек, или 26% к 2019 г. Наибольшим числом ИРС отметились Германия, Италия, Франция, США, в каждой из которых насчитывалось от 200 до 300 человек, работающих в компаниях, которые остались в России. Несколько большим числом представлены имеющие разрешения на работу в РФ граждане стран Восточной Европы, насчитывающие 3,7 тыс. человек, что составляет 47% от их числа в 2019 г. Наибольшим представительством отмечены Сербия (2,8 тыс. человек) и Босния (143 человека), работники которых большей частью заняты в строительном бизнесе. Наконец, лидерами в этой категории стали

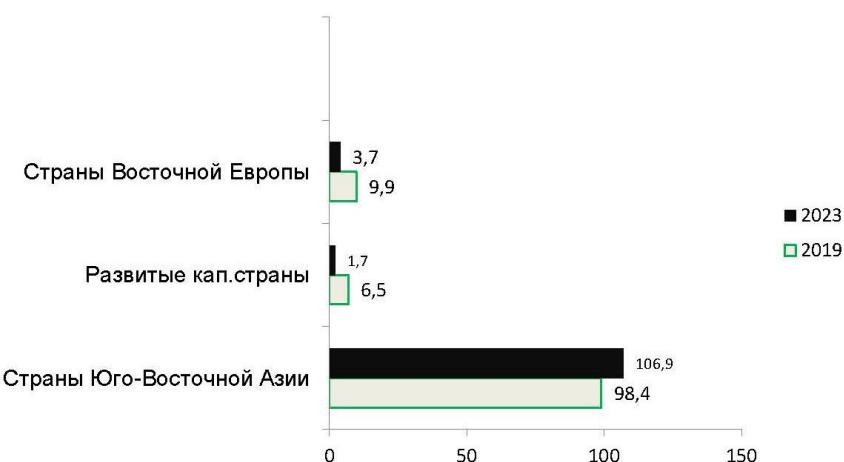

Рис. 4. Численность иностранной рабочей силы, имеющей разрешение на работу в Российской Федерации в 2019–2023 гг., тыс. человек

Источник: рассчитано по данным <https://fedstat.ru/indicator/58167>

²⁸ Начало по существу санкционной войны против России.

страны Юго-Восточной Азии, ИРС из которых составила почти 107 тыс. человек и возросла к 2019 г. на 8%. Наибольшее представительство традиционно имеет Китай (49 тыс., или почти половина всех из группы ЮВА, но со снижением к 2019 г. на 16%). На втором месте Вьетнам (26 тыс. человек, с ростом к 2019 г. на 47%) и Индия (14 тыс. человек, но с ростом на 147%). Завершая пояснения к рис. 4, напомним, что отрицательная динамика трудовой иммиграции из «других стран» имеет место на фоне лишь 3,6% ее удельного веса в общей численности ИРС России, где безраздельно доминируют мигранты из бедных стран ЦА (см. рис. 1).

Согласно данным Росстата за 2022 г., из Европы к нам на ПМЖ перебрались: 508 человек из Сербии, 474 человека из Литвы, 191 человек из Италии, 661 человек из Латвии, 175 англичан, 154 француза, 83 человека из Эстонии, 80 бывших жителей Греции, 59 человек из Польши, 53 бывших жителя США, 121 человек из Южной Кореи, а также 151 человек из Японии. Из Турции переехали 1,8 тыс. человек. Разумеется, в общей сумме получивших гражданство РФ их численность математически несущественна. В этом новом тренде всплеска натурализации ведущие места все так же отведены мигрантам из бедных стран ЦА и Азербайджана²⁹.

Практический итог западных санкций заключен не столько в уходе западных специалистов, который явился их следствием, сколько в *лишении России инвестиций и доступа к современным технологиям*.

О болезненном выходе из России иностранных инвесторов свидетельствует установленный дисконт на продажу их активов российским собственникам, который увеличен с 50 до 60% их стоимости, а единовременный взнос в бюджет уходящего инвестора с 15 до 25%³⁰. Для сравнения следует отметить, что в рамках западных санкций дивиденды на российские финансовые активы подлежат конфискации и направлению на возмещение утраченного Украиной имущества в контексте СВО.

Вектор развития технологического суверенитета России как ответ на санкции, особенно в перспективе цейтнота длинных денег в экономике, выглядит весьма проблематичным. Разумеется, и качество иностранной рабочей силы из бедных стран СНГ не адекватно современным требованиям к кадрам не только в отраслях четвертого и пятого технологических укладов, ИТ, микроэлектроники, нанотехнологий, но и в более простых обрабатывающих производствах, большая часть которых приходится на современный ОПК. Крупный российский бизнес практически не предъявляет вакансий для занятия их мигрантами из стран ЦА, которые составляют подавляющее большинство общей массовой миграции из стран СНГ.

Заключение

Рожденная в XX в. политика ограничений массовой миграции в развитые страны в российских реалиях окрашена спецификой, определенной двумя основными условиями. Во-первых, тем, что на постсоветском пространстве

²⁹ По данным Росстата, около 700 тыс. человек получили гражданство РФ в 2021 г.

³⁰ URL: https://ria.ru/20241017/siluanov-1978492777.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fd6ad08c4-7eb0-567b-962c-f2aef-32f19a4

Россия располагает потенциалом миграционного притяжения стран СНГ, в котором доминирующее положение занимает массовая миграция из стран ЦА, в последние годы приобретающая черты экспансии. И во-вторых, сложившейся geopolитической расстановкой сил и неблагоприятной направленностью миграционного обмена, усугубленной санкциями, которые практически лишили Россию западных инвестиций, технологий и квалифицированных кадров, что не оставляет альтернативы институциональному и технологическому развитию, основанному на инновациях и «экономике знаний».

Очевидно, что условия формирования внешних ресурсов угрожают дальнейшей примитивизацией рынка труда экономике, основанной преимущественно на третьем и четвертом технологических укладах, и наблюдаемой ныне трансформацией трудовой иммиграции в гражданскую, уже не связанную с трудом. Вместе с тем доминантой развития экономики продолжает оставаться «парадигма нехватки трудовых ресурсов» и либеральная миграционная политика, основанная на бесконтрольном въезде в страну иностранной рабочей силы из бедных стран ЦА (в основном – нелегалов). Блокировка ограничений и упрощение натурализации граждан стран ЦА стали в существенной мере возможны благодаря статистическим, выборочным, экспертным оценкам, занижающим масштабы иммиграции и просто игнорирующими оценки многочисленных рисков. Так, алгоритм компенсаторной миграции справедливо указывает на единственную возможность замещения убыли населения внешней миграцией, возводя это «механическое» замещение, по сути, в цель экономической и социальной стратегии и политики. Многие исследования рынка труда, подхватывая парадигму нехватки ресурсов, прямо или косвенно повествуют об объективных трудностях, выраженных в заявленных работодателем вакансиях, которые в реальности нередко представляют собой инструмент подбора персонала, а также основания для возможных льгот по кредитам и субсидий в условиях роста ключевой ставки³¹. Проблему дефицита кадров отмечают не более половины работодателей³², к тому же пик его пройден, и в дальнейшем рост занятости будет связан с инвестициями и подготовкой кадров. При этом ясно, что мобилизованные и уехавшие из страны квалифицированные национальные кадры не могут быть заменены мигрантами из бедных стран СНГ.

Весьма отрадно, что непопулярная тема рисков миграции получила новое звучание в обстоятельных ответах В. Путина на совмешенных пресс-конференции и прямой линии 14 декабря 2023 г., где Президент РФ согласился с оценками численности нелегальных мигрантов в 10 и более млн человек, а также поставил вопрос о создании специального ведомства, занимающегося проблемами миграции³³. Вместе с тем его высказывание о том, что мигрантам надо создавать «нормальные человеческие условия», отображает многогранную проблему рисков в сфере труда и адаптации в социуме для самих мигрантов, которая имеет

³¹ Разумеется, нельзя не видеть прямых потерь рынка труда в контексте мобилизации и последующей эмиграции.

³² Отмечают руководители кадровой службы «Эксперт РА». URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2024/6589738d9a794798dc106898>

³³ Прямая линия с В. Путиным 14 декабря 2023 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/12/2023/657afbe69a79472b58b7b842>

специфику и, разумеется, должна стать предметом оценок и регулирования в новом ведомстве³⁴.

В российской вертикально ориентированной структуре управления значимые публичные заявления лидера приобретают характер директив для органов законодательной и исполнительной власти. Очевидно, что весь комплекс вопросов трудовой и гражданской миграции получил новый импульс научного обеспечения.

Центральным звеном научного обоснования является миграционная политика как комплекс мер и программа действий, обеспечивающих известный компромисс между ресурсами и рисками. Очевидно, что трудовая миграция нуждается в экономическом регулировании по профессиональному, отраслевому и территориальному принципам измерения ресурсов, в том числе с учетом балансового метода [3]. Важнейшим направлением должна стать *организация системы подбора и подготовки кадров на территории стран-доноров* участников миграционного обмена (СНГ и ЕАЭС), которая станет базой для создания условий, способствующих снятию напряженности и улучшению равновесия на рынке труда ИРС. В рамках этой работы подготовка соискателей обязательно должна включать проверку знания русского языка и основ адаптации в стране пребывания. При этом вся *система подбора и подготовки персонала для работы и граждан для натурализации* в России должна быть диверсифицирована в контексте краткосрочных и долгосрочных программ двухстороннего сотрудничества между странами.

Принципиальным подходом являются нормативные методы расчета потребностей в ИРС в контексте *системы идентификации «зоны конкуренции как экономического пространства с преимуществами национальным кадрам»* по видам работ, сферам занятости, отраслям, территориям [6]. Например, если территориальный агрегатор такси свидетельствует о вакансиях на национальном рынке труда, то вопрос о привлечении мигрантов может быть рассмотрен в контексте имеющегося в *банке вакансий* предложения по этой позиции.

Особого подхода требует *социальное нормирование миграции*, как в рамках предприятия, организации, так и в рамках малого поселения, вопросы которого решают местные органы власти на основе установленных нормативов соотношения граждан и временных мигрантов³⁵.

Много вопросов вызывает установление 100%-ного присутствия мигрантов в конкретных сферах приложения труда, о чем свидетельствует действующая практика строительной отрасли Москвы³⁶. В условиях настоящей экспансии мигрантов практика снятия ограничений ущемляет интересы национального рынка и ведет к консервации низких стандартов условий, оплаты и производительности труда, которые становятся возможны в условиях отсутствия реальной конкуренции в отрасли.

³⁴ В 2012 г. в России была создана ФМС, которая в 2016 г. была упразднена, а ее функции были переданы в ГУ МВД РФ.

³⁵ Например, в регионе в малом поселении численность иностранцев не должна превышать 8% населения.

³⁶ По существу, представляет метод «ручного управления», способного исказить установленный регламент.

Вершиной нормативного планирования привлечения мигрантов из стран СНГ должны стать *программы инновационного развития отраслей и сфер*³⁷ приложения труда, основанные на реализации проектов по росту производительности труда. В этом контексте индикатором для принятия решений могут служить абсолютные и относительные оценки численности мигрантов из стран СНГ. В принимающих странах сфера занятости неквалифицированных мигрантов из бедных стран определена торговлей и услугами, которая в развитых странах составляет до 70 и более процентов ВВП. В России торговля и услуги составляют меньшую величину, однако относительная численность мигрантов существенно выше³⁸, что дает основание для оценок излишней их численности и, соответственно, стратегии развития отраслей и привлечения мигрантов.

Наконец, межотраслевой институциональной проблемой является борьба с нелегальной миграцией, в первую очередь путем ее включения в сферу учета, налогообложения, депортации или реадмиссии нарушителей закона. Представляется, что эта работа должна быть основана на амнистии нелегалов и введении мер экономической ответственности работодателей, выраженной размерами нанесенного государству ущерба по недополученным налогам.

В контексте приоритета национальным кадрам следует рассматривать предложения по введению дополнительного налога на работодателей за использование неквалифицированной иностранной рабочей силы из стран СНГ (по утвержденным отраслевым спискам профессий и квалификации). При этом рассматриваемый дополнительный налог может иметь целевое назначение (например, фонд инновационного развития для стимулирования отказавшихся от использования ИРС строительных организаций). Указанные меры отчасти несут социальную функцию, поэтому могут иметь временный характер в контексте программ «Инновационное развитие и национальные кадры».

Литература

1. *Вартикян А.Р., Гужавина Т.А., Демирчян М.А.* Миграционная политика стран в условиях пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 4.
2. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Новый энциклопедический словарь. Библиотечный фонд. 1914. Том 18. С. 491.
3. *Капустин Е.И.* Трудовые ресурсы СССР. Л., 1981.
4. *Комаровский В.В.* Миграционное регулирование в период пандемии COVID-19 // Ежегодник Восток–Запад–Россия. ИМЭМО РАН. М., 2020. С. 47.
5. *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1(37). С. 187.
6. *Седлов А.П.* Двойной рынок труда в российских реалиях: индикаторы и методология в контексте современных вызовов // Общество и экономика. 2023. № 8. С. 39–59.
7. *Седлов А.П.* Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // Уровень жизни населения регионов России. 2024. № 2. С. 224–242.
8. *Юмагузин В.В., Винник М.В.* Реализация компенсаторной миграции в России // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2023. № 1(58). С. 48–64.
9. *Lee E.S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3 (1).
10. *Lewis W.A.* The Theory of Economic Growth. N.Y., 1959. P. 402.

³⁷ Разумеется, с учетом специфики организации труда.

³⁸ О чём свидетельствуют произведенные в работе оценки и расчеты.

-
11. *Massey D.S.* International migration and economic development in comparative perspective. *Population and Development Review* / *Massey D.S., Douglas S.* // 1989. № 14. P. 383–414.
 12. *Piore M.* Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York: Cambridge University Press. 1979.
 13. *Ravenstein E.G.* The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. Vol. 48. № 2. P. 167–235.
 14. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review*. 1940. Vol. 5. P. 845–867.
 15. *Wallerstein I.* The Modern World-System, vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego: Academic Press. 1989; The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century // New-York. Academic Press. 1974. P. 410.

Alexey Sedlov (e-mail: sedlovap@bk.ru)
Ph.D. in Economics, Leading Research Fellow,
Center for Employment Policy and Social and Labor Relations,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

EASTERN AND WESTERN DIRECTIONS OF LABOR OF LABOR IMMIGRATION TO RUSSIA: HISTORICAL MARKETS AND PROSPECTS

The paper systematizes the concepts of ‘eastern’ and ‘western’ directions of labor immigration to Russia as terms for the conventional designation of migrant flows from poor CIS countries and qualified specialists from other countries, including developed Western ones. The author assesses the analytics of limiting mass migration to host countries; presents estimates of original statistical algorithms; notes historical markers of immigration, the experience of which can be used in the modern immigration model; shows negative trends in the decline in the level of foreign labor and the transformation of labor immigration from Central Asian countries into social (civil), along with the risks associated with the naturalization of new citizens.

Keywords: mass migration, human potential, quality of labor, poor CIS countries, developed countries, immigration model.

DOI: 10.31857/S0207367624120042